Суверенитет как естественное публичное право: о модификации представлений о природе и характере суверенитета, об этапах (поколениях) и направлениях его научных исследований

ОВСЕПЯН Жанна Иосифовна, заведующая кафедрой государственного (конституционно-го) права Южного федерального университета, доктор юридических наук, профессор
344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42
E-mail: Ovsepyan-G-I@yandex.ru

В статье осуществлена авторская дифференциация этапов (поколений) суверенитета как философского учения и социальной практики, проведенная по критерию корреляции (соотности) с субъектом (носителем свойств) суверенной государственной власти. Суммированы имеющиеся в государственно-правовой науке разных стран и времен представления о признаках (свойствах) суверенитета. Основное внимание уделено анализу направлений исследований суверенитета периода конституционных государств. В связи с этим обосновывается концепция суверенитета как естественного публичного права, «вызревающего» в процессе государственно-правового развития общества. Автор статьи, суммируя имеющиеся в государствоведческой и правовой науках разных стран и времен воззрения о перечне признаков (свойств) суверенитета, приводит ряд определений суверенитета как естественного права, принадлежащего государству в целом (как сложносоставному образованию), как естественного права государственно организованного народа, т. е. права, имеющего публичное происхождение.

Ключевые слова: этапы (поколения) учений о суверенитете, суверенитет государства, суверенитет права, суверенитет народа, суверенитет и государственное представительство, суверенитет и теория федерализма, естественное публичное право.

Sovereignty as a Natural Public Right: Modification of Ideas about the Nature and Character of Sovereignty, about the Stages (generations) and Its Scientific Research

Zh. I. OVSEPYAN, doctor of legal sciences, professor
Southern Federal University
105/42, Bolshaya Sadovaya st., Rostov-on-Don, 344006
E-mail: Ovsepyan-G-I@yandex.ru

The article presents the author's differentiation of the stages (generations) of sovereignty as a philosophical doctrine and the social practices carried out by the criterion of correlation with the subject (bearer of properties) of the sovereign state authority. The author has summarized the characteristics (properties) of sovereignty which are existing in state-legal science and time ideas about them in different countries. The main attention in the article was paid to the analysis of directions of research of the sovereignty in constitutional states period. In this regard the author substantiates the concept of sovereignty as a natural public right, "maturing" in a process of state-legal development of society. During the process of summarizing of the available and political and legal Sciences of different countries and time views on the list of characteristics (properties) of the sovereignty the author of the article gives a number of definitions of sovereignty as a natural right belonging to the state as a whole (as a complex union) as well as a natural right of state organized people, i. e. public origin right.

Keywords: stages (generation) of the exercise of sovereignty, state sovereignty, sovereignty of law, sovereignty of the people, the sovereignty and state representation, sovereignty and theory of federalism, natural public right.

DOI: 10.12737/24097

К постановке проблемы. События последних трех десятилетий в современном мире актуализируют об-

суждение темы Вестфальского миропорядка, провозгласившего в качестве незыблемого принцип суве-

ренного национального государства. В ряду драматических событий последних лет — ослабление и распад крупнейшего суверенного государства — Союза ССР, в результате чего в период с середины 80-х гг. XX в. и приблизительно до 2015 г. во многом был утрачен геополитический баланс в системе международных взаимоотношений; распад Югославии, югославский кризис, связанный с осуществлением военной операции НАТО без санкции ООН против суверенной Союзной Республики Югославия, бомбардировки в центре Европы в 1999 г. К трагическим явлениям современности относится терроризм, который в короткие сроки, опираясь на возможности интернет-связи, достиг транснационального масштаба и стал реальной угрозой суверенитетам национальных государств, правам и свободам, проявляясь в том числе в форме крупных террористических актов в разных странах мира. В США 11 сентября 2001 г. произошел один из самых страшных терактов за всю историю человечества — взрыв башен близнецов Всемирного торгового центра, жертвами которого стали 2977 человек (по официальной версии, теракт был устроен «Аль-Каидой»)¹.

В ряду драматических событий, обусловивших актуализацию темы суверенитета национальных государств, гарантий прав и свобод: ослабление государственности в Ираке вследствие американского вторжения в 2003 г.; ослабление государственности в Ливии в результате гражданской войны и военного вмешательства сил международной коалиции (в основном стран блока НАТО) в гражданскую войну в этой стране, связанного с этими событиями возвышения ИГ — наиболее крупного проекта международного терроризма; активизация дея-

тельности международных террористических организаций в Сирии как масштабная угроза государственным суверенитетам.

В новом аспекте тема суверенитета встала в связи с масштабным миграционным кризисом в Европе, обусловленным наплывом сотен тысяч беженцев и нелегальных мигрантов в Европейский Союз из стран Северной Африки, Ближнего Востока и Южной Азии, который также заставил переосмыслить прежние представления о соотношении международной и национально-государственной составляющих в мироустройстве нового периода. Актуализируют тему государственных суверенитетов также возникший кризис (угроза распада) Европейского Союза после референдума (Brexit) в Великобритании 23 июня 2016 г., на котором 51,9% британцев проголосовали за выход страны из ЕС. Все названные события стали показателями актуальности сохраняющегося значения сильного, суверенного государства как гаранта основных прав и свобод, в том числе важнейших из прав — права на жизнь, права на достоинство; значения национальных институтов государственной власти, в том числе силовых структур; значения государственных границ и института гражданства, значимости национального права. Все это подтверждает, что глобализация не отменяет государства и государственные суверенитеты, соответственно, сохраняется актуальность теоретических, философских, политологических, исторических, юридических и иных научных исследований государства и суверенитета как следствия и свойства его силы.

Основные этапы (поколения) истории философских учений и современные направления исследований суверенитета. Длительная эволюционная история становления суверенитетов свидетельствует о естественной природе права суверенитета и модификации представлений о суверенитете, их «вызревании» в процессе государственно-пра-

¹ См.: Теракт 11 сентября. Кто стоит за трагедией 9/11 // 24 СМИ. Новости. URL: <http://24smi.org/news/11811-911-kto-stoit-za-teraktom-11-sentyabrya.html>.

вового развития общества. С учетом естественной (эволюционной) природы происхождения международно-правового и конституционно-правового института суверенитета решение современных проблем международной практики актуализирует, помимо иных аспектов, научные исследования диалектики содержания учений о суверенитете, осуществление их периодизации и дифференциации по направлениям, а также выявление научных представлений о признаках суверенитета в разные периоды истории, чему и посвящена настоящая работа.

По критерию корреляции (соотносимости) с субъектом (носителем) свойств суверенной власти, с позиций междисциплинарного подхода, на наш взгляд, следует различать три основных этапа (периода) истории суверенитета как учения и социальной практики.

1. Из содержания исторических памятников права следует, что первое использование понятия «суверенитет» (связанное с опытом Европы) относится к средневековому периоду. Средневековое понятие суверенитета в Европе во внешнеполитическом аспекте его проявления было сопряжено с законодательством и практикой конкуренции светской власти — власти государственных образований периода феодальной раздробленности с религиозной властью — властью католической Церкви и властью Священной Римской империи. Во внутривластной сфере средневековое понятие суверенитета относилось к сфере конкуренции власти короля и сеньоров. Так, М. М. Федорова отмечает, что «средневековое понятие суверенитета (встречающееся в политико-юридическом дискурсе уже в XIII в.)... применялось для характеристики властных полномочий как сеньоров, так и короля. Средневековому политическому мышлению была еще неведома публичная власть, обладающая монополией на господство над определенной территорией и, следовательно, монополией на под-

чинение подданных»². По оценкам автора, различие средневекового и периода с XVI в. понятий суверенитета в том, что «средневековое понятие суверенитета отражает существование системы, характеризуемой множественностью центров принятия решения, существование децентрализованного политического порядка в отличие от централизующей функции этого понятия эпохи Модерна. Суверенитет средневекового правителя сводился практически лишь к одному измерению — это был король-судья. Он был свободен лишь в принятии судебного решения в последней инстанции; во внутривластных делах он был связан обязательствами перед вассалами, во внешнеполитических — политическим могуществом Церкви»³.

2. Второй этап истории суверенитета как учения и практики связан с созданием учений о суверенитете как исключительном, неотъемлемом свойстве общенациональной государственной власти. Хронологически это период с XVI в. по вторую половину XVII в., отсчитываемый со времен выхода человечества из Средневековья, это период формирования централизованных национальных государств (что достигалось за счет учреждения абсолютных монархий), а по данным ученых, это и время религиозных войн⁴. В европейских странах в этот период была вызвана к жизни теория французского юриста Жана Бодена, согласно которой суверенитет безраздельно принадлежит королю. «В сочинении “Шесть книг о государстве” (издано на французском

² Федорова М. М. Суверенитет как политико-философская категория современности // Демократия как политико-философская категория современности (многообразия исторического опыта). М., 2010. С. 137.

³ Там же.

⁴ См.: Лейст О. Э. Теория государственного суверенитета. Политическое учение Ж. Бодена (§ 5 гл. 8) // История политических и правовых учений / под ред. О. Э. Лейста. М., 1999.

языке в 1576 г., на-латыни для всей Европы — в 1584 г.) Боден впервые в истории политико-правовой мысли сформулировал и широко обосновал понятие суверенитета как существенного признака государства: «Суверенитет — это абсолютная и постоянная власть государства... Абсолютная, не связанная никакими законами власть над гражданами и подданными». Власть государства постоянна и абсолютна; это — высшая и независимая власть как внутри страны, так и в отношениях с зарубежными державами: Выше носителя суверенной власти — только Бог и законы природы. Суверенитет, по Бодену, означает прежде всего независимость государства от папы римского, от церкви, от германского императора, от сословий, от другого государства»⁵.

Ж. Боден считал, что «государство образуется тогда, когда разрозненные члены сообщества объединяются под единой высшей властью, т. е. суверенитетом... Проблема суверенитета затрагивает не только иерархию властных структур в рамках государства, но и место самого государства в ряду человеческих сообществ, союзов, коллективов. Когда говорят о суверенитете государства, то подразумевают, что все другие коллективы — общины, семьи, ассоциации, провинции, товарищества и т. д. — занимают подчиненное по отношению к нему положение. На данной территории нет власти выше государственной. Здесь она суверенна над всеми другими властями»⁶. По Бодену, помимо приоритета государственной власти в обществе, верховенство государственной власти, являющееся показателем ее суверенитета, неразрывно связано с территориальным

принципом устройства государства как общественного союза. В развитие идей Ж. Бодена российский ученый П. И. Новгородцев отмечал, что «верховная власть едина и неделима в том смысле, что она ни при каких обстоятельствах “не может допускать другой власти, стоящей над нею и рядом с нею”. Государство есть субъект права, и в качестве юридического лица его правозаконность основывается на коллективности, неделимости той территории, на которой живет эта коллективность. Церковь, например, обладает той или иной формой власти и авторитетом, но она не является государством. Так, католическая церковь по всем признакам представляет собой организованную коллективность, она обладает верховной властью в делах веры, располагает администрацией, построенной по иерархическому принципу, но не связана с определенной территорией»⁷.

Следующий элемент содержания суверенитета, соответствующий правопониманию Нового времени, в том, что, как отмечают специалисты, в отличие от средневекового правителя «Король современного государства как воплощение государственного суверенитета был уже не только и не столько судьей, сколько законодателем и творцом политических и юридических норм»⁸. Особенность понятия суверенитета Нового времени, в том числе современного, отличающая его от средневекового, заключается в тесной связи понятия суверенитета с нормативной функцией; в учении Ж. Бодена — связана с правом короля издавать законы, которые ассоциируются с первой, важнейшей функцией монарха, определяющей все прочие его полномочия. Закон является «важным инструментом и атрибутом го-

⁵ Лейст О. Э. Указ. соч.

⁶ Гаджиев К. С. Введение в политическую науку. 2-е изд. М., 1999; Зеленков М. Ю. Политология (базовый курс). М., 2009; Политология / под ред. С. В. Решетникова. Минск, 2000.

⁷ Цит. по: Гаджиев К. С. Введение в политическую науку. URL: <http://scicenter.online/voprosy-politologii-obschie/suverenitet-zakon.html>.

⁸ Федорова М. М. Указ. соч. С. 138

сударства, обеспечивающим его универсальность и, соответственно, в определенном смысле закон есть выражение суверенитета, поскольку обладает некоторой формой всеобщности в том смысле, что его правомерность и авторитет должны признать все и соответственно все должны ему подчиняться». Как справедливо подчеркивал Б. П. Вышеславцев, «закон есть первая субстанция власти. Все великие властители и цари были прежде всего законодателями (Соломон, Моисей, Юстиниан, Наполеон). В законе и через закон власть существенно изменяется: она перестает быть произволом и становится всеобщеобязательной нормой»⁹. При этом интересно заключение специалистов о том, что «Идея закона прошла длительный путь эволюции. В античности закон рассматривался скорее как выражение политической власти, нежели ее ограничение. Но в последовавших за античностью варварских королевствах закон представлял собой унаследованный от предков обычай, который никто не вправе изменить. Функция королей состояла не в том, чтобы издавать законы, а в том, чтобы осуществлять их: и законы связывали королей не в меньшей степени, чем их подданных. Эта идея была развита в концепции естественного права, сформулированной стоиками и христианскими мыслителями в конце периода античности»¹⁰.

Завершая анализ особенностей второго этапа истории суверенитета как философского учения, отметим, что концепция Ж. Бодена об основных элементах содержания суверенитета государственной власти в этот период получила практическую апробацию в части как внутригосударственного, так и внешнеполитического аспекта суверенитета. Как

отмечено в исследовании С. Кортюнова, «в XIV—XV веках в мировой политике начинается процесс формирования нового государственного и общественного устройства — национальных государств, связанный с распадом старых империй (в Европе — Римская империя, Византия, Священная Римская империя германской нации... каждая из которых существовала в течение многих столетий, а то и тысячелетий), с появлением и становлением основного субъекта национальных государств — национальной буржуазии. Внутри прежних империй, которые сохраняют (а в ряде случаев и умножают) внешние имперские атрибуты, вызревают такие национальные государства, как Франция, Англия, Португалия, Швеция, Нидерланды, Испания. Все эти страны на протяжении еще нескольких столетий останутся колониальными империями. Однако империи этого типа классическими империями уже не являлись: колонии захватывались и удерживались этими странами не для того, чтобы создавать мир миров, как это было прежде, а исключительно в целях развития национальных метрополий за счет хищнической эксплуатации заокеанских территорий. Хотя такого рода политика могла весьма искусно прикрываться имперской идеологией: мол, несли в Азию и Африку “цивилизацию”, “культуру”, “христианскую миссию” и проч.»¹¹.

3. Следующий (современный — после периодов Средневековья и формирования ранних национальных суверенных государств в форме абсолютных монархий) этап в истории учений и практики суверенитета связан с учреждением конституционных государств.

3.1. Для этапа (периода) «конституционных государств» характерны

⁹ Цит. по: Гаджиев К. С. Введение в политическую науку. URL: <http://scicenter.online/voprosy-politologii-obschie/suverenitet-zakon.html>.

¹⁰ Там же.

¹¹ Кортюнов С. Становление нового мирового порядка и проблемы международной безопасности. URL: <http://pandia.ru/text/77/435/126.php>.

учения о суверенитете, различающиеся по содержанию, методологии выявления субъекта — источника и высшего носителя власти, различающиеся по времени создания. В XVII—XVIII вв., в период первых буржуазно-демократических революций, со времен появления конституционных государств, наряду с исследованием признаков суверенитета как неотъемлемого свойства государственной власти был поставлен вопрос: является ли свойство принадлежности государственной власти единственным признаком суверенитета? Принадлежность государственной власти стала рассматриваться не только как одно из свойств суверенитета, в науке конституционного права стали различаться и ныне различаются наряду с понятием «суверенитет государственной власти» также понятия «государственный суверенитет», «суверенитет народа», «суверенитет нации».

Особенность периода учреждения конституционных государств прежде всего в том, что ему соответствуют демократические теории суверенитета (Дж. Локк, Ж. Ж. Руссо), согласно которым источником и носителем суверенитета объявлялся народ как носитель «всеобщей воли». Народный суверенитет характеризуется как «конечный базис всякой государственной власти»¹². В этом направлении учения о суверенитете также следует различать этапы и периоды становления. Ранние демократические теории народного суверенитета периода XVII—XVIII вв. наряду с прогрессивными положениями содержали и избыточно радикальные идеи о способах достижения (обеспечения) народом своего суверенитета. Практическое их воплощение, связанное, в частности, с принятием Конституции Франции 1793 г. периода якобинской диктатуры, конституций РСФСР, СССР, конституций социалистического типа в иных стра-

нах, показало, что соответствующая идеология может стать романтическим прикрытием новой диктатуры либо недемократического авторитарного режима, а реального народовластия не обеспечит. По этой причине уже вследствие неудачного опыта установления якобинской диктатуры во Франции в зарубежной научной доктрине с конца XIX — начала XX в. была весьма распространена критика радикальных демократических теорий суверенитета. Вместе с тем реализацией идей народного суверенитета Дж. Локка и Ж. Ж. Руссо стала и широкая практика их восприятия в рационализированных демократических формах государственных организаций в странах Европы, США, в России (с конца 80-х — начала 90-х гг. XX в.). В некоторых демократических странах были апробированы и самые радикальные, революционные идеи Ж. Ж. Руссо. В Декларации независимости США 1776 г., принятой в период борьбы за независимость Северо-Американских Соединенных Штатов против английского короля Георга III, устанавливалось: «Когда какая-либо форма правительства становится губительной для... цели обеспечения прав граждан, «то народ вправе изменить или уничтожить ее и учредить новое правительство, основанное на таких принципах и такой организации власти, какие, по мнению этого народа, всего более могут способствовать его безопасности и счастью»¹³. Соответствующие идеи воспроизводятся порой и в конституциях, принятых почти два столетия спустя. Так, в Основном законе ФРГ 1949 г. в связи с его изменениями и дополнениями в 1968 г. закреплено: «Все немцы имеют право оказывать сопротивление всякому, кто попытается устранить демократический социальный строй

¹² *Еллинек Г.* Общее учение о государстве. СПб., 2004. С. 443—444.

¹³ Хрестоматия по всеобщей истории государства и права: учеб. пособие / под ред. З. М. Черниловского; сост. В. Н. Садилов. М., 1994. С. 177.

государства, «если иные средства не могут быть использованы»¹⁴. Однако это единичные в мировой практике модели правового регулирования способов достижения (обеспечения) народом своего суверенитета. По общему правилу в демократических государствах с конца XVIII столетия стала складываться практика осуществления прямого народовластия в сравнительно умеренных по их политико-правовой силе (в сравнении с правом на восстание) формах осуществления — через выборы и референдумы (всенародные голосования), результаты которых имеют обязательный, императивный характер для органов и должностных лиц публичной власти. В связи с этим отождествление суверенитета с правом (статусом) народа со второй половины 1940-х гг. в мировой юриспруденции становится теоретически и практически общепризнанным (за отдельными исключениями).

Суверенитет народа означает, что он является обладателем (исключительным субъектом) права на особый вид государственной власти — учредительную власть и субъектом публичного права — прежде всего права верховной законодательной власти в государстве. Суверенное право народа на учредительную власть подразумевает, в частности, что только народ как высшая инстанция может принимать решение о выборе новой формы правления, о наилучшей организации высшей (верховой) государственной власти и т. д. Признание суверенитета народа предполагает также признание его субъектом двух видов правоотношений: так называемых общерегулятивных отношений (под которыми в научной теории понимаются устойчивые, длящиеся отношения, не определенные (не ограниченные) во времени, отношения-состояния) и конкретных конституционно-правовых (государственно-правовых) отношений, свя-

занных с осуществлением форм непосредственного народовластия (выборы, референдумы, плебисциты и др.).

Составной частью учений о народном суверенитете являются научные теории и практика государственного представительства народного суверенитета. В ранних демократических теориях, по заключению известного российского исследователя теории суверенитета И. Д. Левина, «верховенство парламента, означающее прежде всего независимость от народа, становится догмой английского права, сформулированной Де Лолем в крылатой фразе о всемогуществе английского парламента: парламент все может — он не может лишь превратить мужчину в женщину и наоборот»¹⁵. В современной практике демократических государств мира и современных научных теориях подтверждается роль парламентов как форм представительства народного суверенитета, хранителей демократии.

3.2. В период учреждения конституционных государств, в частности в XVIII в., в связи с образованием Северо-Американских Соединенных Штатов, в период движения к большему усовершенствованию этого Союза и, очевидно, для того, чтобы не вызвать оппозицию со стороны штатов (субъектов Федерации) процессам большей консолидации, в научной доктрине подвергся обсуждению такой аспект в характеристике суверенитета государственной власти, как возможность его деления между Федерацией и составными частями Федерации — штатами. В связи с этим сложилось целое направление в исследовании государственного суверенитета: была создана теория разделенного «по вертикали» суверенитета¹⁶. С тех пор не только в США, но и в европейских странах исследования сувере-

¹⁵ Левин И. Д. Суверенитет. 2-е изд. СПб., 2003. С. 21.

¹⁶ См. об этом: Тэпс Д. Концептуальные основы федерализма. СПб., 2002. С. 33—34.

¹⁴ Конституции государств Европы: в 3 т. Т. 1 / под ред. Л. А. Окунькова. М., 2001. С. 587.

нитета на определенное время оказались сосредоточены вокруг вопросов о принадлежности суверенитета Союзу либо членам этого Союза, о делимости (неделимости) суверенитета в федеративном государстве, об ограниченном и полном суверенитетах и др. Таким образом, со времени учреждения первых сложно-составных конституционных государств исследования суверенитета преимущественно идентифицируются с теорией федерализма. По заключению одного из классиков российской науки Б. А. Кистяковского, научные исследования в заданном формате (в увязке с системой принципов федерализма) в XIX в. «были направлены в первую очередь и главным образом на анализ и точное определение понятия суверенитета»¹⁷. По его оценкам, на начало XX в. «в этой части произведенную научную работу можно считать совершенно законченной и увенчавшейся полным успехом. Суверенитет теперь окончательно определен как высшая власть, юридико-догматическое понятие, которое не допускает никаких степеней и никаких делений. Понятия ограниченного суверенитета, уменьшенного суверенитета, полусуверенитета или делимости суверенитета сплошь противоречивы; а потому они непригодны для научного объяснения государственно-правовых явлений»¹⁸. Однако этот прогноз оказался преждевременным. В частности, в России в 1990-х гг. в канун и после распада СССР и ослабления российской государственности (федеральной государственной власти) эта тема, которую ученый объявил закрытой еще в начале XX столетия, вновь стала остро дискуссионной. Пик активности дискуссий о признании теорий ограниченного суверенитета, уменьшенного суверенитета, полусуверенитета или делимости су-

веренитета республик в составе РФ был пройден в России уже на рубеже столетий — с 2000 г. в связи с началом процессов укрепления федеральной власти.

3.3. Недостатки раннего опыта апробации демократических теорий народного суверенитета (периода XVII—XVIII вв.) в XIX — начале XX в. привели к созданию «нового поколения» учений о суверенитете, связанных с трудами Г. В. Ф. Гегеля и его последователей. Теории, соотносимые с анализируемым направлением в учениях о суверенитете, очевидно, можно именовать таким образом: «теории государственного суверенитета как суверенитета целого», или «полноформатная государствоведческая теория суверенитета». У истоков этих теорий — концепция Гегеля о необходимости признать понятие «юридическая личность государства» как воплощение мирового разума, «шестиве Бога в мире». В отличие от Гегеля, его последователи (германская юридическая школа П. Лабанда — Г. Еллинека) исходили из представления, что государство — это не мировой разум, а «юридическое лицо, действующее через свои элементы (органы)». Авторы концепции государственного суверенитета как суверенитета целого исходили из классических представлений об элементах государства. К элементам государства, согласно древнейшим теориям, относят население, территорию, власть, которые рассматриваются как неразрывно связанные части (органы) государства. Как пишет Г. Еллинек, «отдельные элементы государства взаимно обуславливают друг друга, и поэтому выделить один из них возможно только гипотетически, так как каждый из элементов предполагает все другие. Поэтому суверенитет надо связывать с государством как единым целым, как единой юридической личностью, а не с отдельными его элементами (органами)». По мнению ученого, при всем различии монархической и демократической теорий суверенитета с го-

¹⁷ Кистяковский Б. А. Социальные науки и право. М., 1916. С. 409—416.

¹⁸ Там же.

сударствоведческих (а не политических) позиций они стоят в одном ряду, поскольку каждая из них отождествляет суверенитет только с одним из элементов (органов) государства (монархом, парламентом или народом). В результате в процессе практической реализации соответствующих учений о суверенитете возникает «перекос», дисгармония во всей конструкции власти. Идея государственного суверенитета искажается: он выступает как воплощение личного суверенитета либо корпоративного (социального) суверенитета парламента или какой-то группы (слоя) людей. Поэтому монархические и демократические учения о суверенитете, разработанные в XIV—XVII вв., по заключению Еллинека, являются недостаточными для выяснения суверенитета государства. Автор замечал, что «даже в учении Гоббса, имевшем столь большое влияние, суверенитет государства совершенно поглощается суверенитетом князя... Не только абсолютный властитель Гоббса, но и наделенный деспотической властью парламент Блэкстона и, наконец, обладающий неотчуждаемой властью народ Руссо относятся к одному и тому же циклу идей»¹⁹.

Сильная сторона и одновременно уязвимость (в контексте реализации внутривластного содержания суверенитета) классической версии «полноформатной» государствоведческой концепции суверенитета в том, что народ рассматривается лишь как элемент (субстанция) государства, в котором (государстве) и воплощается суверенитет; имела место недооценка энергетического потенциала народа как самостоятельного субъекта осуществления государственной власти и суверенитета. Так, Еллинек считал, что предназначение народа лишь в том, чтобы с той или иной регулярностью, степенью интенсивности подтверждать правомочность государственной власти²⁰.

Сильная сторона теории государственного суверенитета как суверенитета целого обнаруживается в контексте внешнеполитического аспекта содержания суверенитета. При оценках с позиций классических подходов к определению государства как единства трех элементов: территории, населения, власти, государственная (публичная) власть выступает в качестве системообразующего элемента. Народ, органы государства (глава государства, парламент), территорию государства объединяет то общее, что все они так или иначе связаны с государственной властью: являются либо источниками и (или) субъектами государственной власти (народ, органы государственной власти), либо объектами государственной власти (территория). Таким образом, государственная власть выполняет роль системообразующей «несущей» конструкции в системе государства, поэтому суверенитет должен быть приписан свойствам государственной власти. Вместе с тем суверенитет как свойство государственной власти дедуцируется на государство в целом, становится воплощением государства в целом, приобретает характер суверенитета национального (общенародного) государства.

Однако в современной научной доктрине (в том числе российской) и в конституционном регулировании со второй половины XX в. преобладающей является концепция, что народ является сувереном не только как субстанция (элемент) государства — суверена, не только как источник государственной власти, но и как субъект права власти, носитель публичных прав, реализуемых через формы непосредственного народовластия, субъект непосредственного осуществления суверенных прав.

3.4. Еще одно направление научных исследований на современном этапе истории суверенитета (периода конституционных государств) связано с учением о формально-юридическом понимании суверенитета, т. е. с вопросами о соотношении государства

¹⁹ Еллинек Г. Указ. соч. С. 450.

²⁰ Там же. С. 456.

и права, достижении требований правового государства, а также с процессами глобализации, выстраивания соотношения внутригосударственного и международного права, взаимоотношений международных организаций и национальных государств. Это период поддержки (учреждение ООН после Второй мировой войны) и одновременно вызовов и угроз Вестфальской системе, период подъемов и спадов глобализации, процессов межгосударственных интеграционных объединений. Учение о формально-юридическом понимании суверенитета, на наш взгляд, во многом является важной частью, коррелирует с рассмотренной выше «полноформатной» государствоведческой (государственно-правовой) теорией суверенитета. Согласно формально-юридическим подходам суверенитет — это правовое всемогущество государства, но предполагающее способность государства к правовому самоограничению. Суверенное государство — это государство, способное к осуществлению свободного, учредительного конституционно-правового регулирования своего статуса, к самостоятельному установлению своих правовых границ. Авторами теоретиками этого направления являются: в Германии начала XX в. — Г. Еллинек, в Голландии этого же периода — Г. Краббе²¹, в России — государствоведы дореволюционного (социалистическая революция 1917 г.) периода: Ф. Ф. Кокошкин, П. И. Елистратов, Н. И. Пащенко и др.; в Австрии — венская государственно-правовая школа в лице Г. Х. Кельзена, других авторов.

Согласно учению Г. Еллинека, суверенитет связан не с абсолютной, неограниченной властью государства (не ограниченной и правом), а выступает как свойство правового государства²². Неограниченность государственной власти надо пони-

мать как неограниченность законодательной деятельности государства; как право государства осуществлять управление обществом через издание общеобязательных правовых актов, которые, помимо прочего, ограничивают и саму государственную власть. Г. Еллинек писал: «Суверенитет есть не безграничность, а способность юридически не связанной внешними силами государственной власти к исключительному самоопределению, а потому и самоограничению путем установления правопорядка, на основе которого деятельность государства только и приобретает подлежащий правовой квалификации характер. Суверенитет... то свойство государственной власти, в силу которого она обладает исключительной способностью к правовому самоопределению и самообязыванию... Суверенитет означает невозможность быть юридически ограниченным, вопреки собственной воле, какой-либо другой властью, государственного или негосударственного характера»²³.

Таким образом, государство суверенно, поскольку имеет неограниченную правовую власть устанавливать правопорядок в обществе и определять свою компетенцию. Причем и эта неограниченность по ряду причин условна, поскольку, в частности, «всякое право делается таковым только благодаря тому, что обязывает» не только общество, которому адресовано, но и саму государственную власть, формирующую позитивное право²⁴.

Развивая германскую юридическую теорию, профессор Г. Кельзен пришел к заключению, что суверенитет государства — это свойство правопорядка. Суверенитет не принадлежит ни нации, ни народу, ни даже государству; «только праву принадлежит суверенитет». «Государство... как личность есть через познание права олицетворен-

²¹ См.: Krabbe H. Die Lehre der Rechtssouverenität. Beitrag zur Staatslehre. Groningen, 1906. S. 31, 47, 245.

²² См.: Еллинек Г. Указ. соч. С. 463.

²³ Еллинек Г. Указ. соч. С. 463.

²⁴ Там же. С. 464—465 и др.

ное (персонифицированное) право»²⁵. Ученый сформулировал концепцию, согласно которой государство — это правовой порядок, суверенитет государства — это свойство правового порядка, заключающееся в его «невыводимости» из другого правового порядка: «Если данная норма не может быть выведена из какой-либо выше ее стоящей, если источник ее значимости заложен в ней самой, то она принадлежит к наивысшему, а следовательно, суверенному правовому порядку»²⁶.

В российской юриспруденции начала XX столетия известный ученый Б. А. Кистяковский, не разделяя нормативистские идеи «чистого учения о праве», тем не менее также считал, что, поскольку в конституционном государстве власть перерождается, «она перестает быть фактическим господством людей и становится господством правовых норм»; соответственно, изменяется и характер ее верховенства или суверенитета — «суверенитет фактического господства заменяется суверенитетом права»²⁷. При этом выводилось и заключение о том, что суверенитет права соотносится с суверенитетом международного права.

Российский автор И. Д. Левин в середине XX в., исследуя теорию суверенитета права, идентифицировал суверенитет не с международным, а с национальным правом: «Суверенитет заключается не в нарушении права, а в свободном установлении своего права»²⁸. В современной российской юриспруденции Ю. А. Тихомиров, анализируя исследования Г. Краббе, обращает внимание на отличительную особенность теории суверенитета права в сравнении с немецкой доктриной государственного суверените-

та, в соответствии с которой «главным в государственной власти является обеспечение господства. Власть не черпает силу в праве, которое может лишь “связывать” и ограничивать ее. Напротив, концепция суверенитета права обладает самостоятельностью и высшей ценностью, и поэтому всякая власть выступает как правовая власть, как безличная власть права (в отличие от усмотрения в теории государственного суверенитета). Итог: право есть единственный источник власти»²⁹. Ю. А. Тихомиров отмечает слабую сторону доктрины «суверенитета права» в исследованиях Краббе, поскольку «здесь понятие “суверенитет права” раскрывается путем соотношения права с государством. Между тем суверенитет имеет не только внутренние, но и внешние формы выражения, а именно в отношениях с иностранным государством». В связи с этим автор справедливо указывает: «С середины XX в. начался процесс их интенсивного сближения по предметам и методам регулирования»; несмотря на проводимые исследования «остается ряд острых вопросов, требующих изучения. Речь идет о критериях соотношения национально-правовых и международно-правовых регуляторов, об их юридической силе, о процедурах взаимного влияния, порядке разрешения юридических коллизий»³⁰.

Признаки суверенитета как естественного публичного права. С позиций истории происхождения суверенитета и в контексте «наработок», представленных в различных учениях о суверенитете, классических и современных научных исследованиях, с позиций эволюции цивилизаций, системного осмысления есть основания для вывода, что возможен такой аспект в юридической квалификации суверенитета, как его определение в качестве сложносоставного публич-

²⁵ Цит. по: Гурвич Г. С. Народ, народный суверенитет и народное представительство в советской системе // Советское государство и право. 1958. № 12. С. 39.

²⁶ Цит. по: Левин И. Д. Указ. соч. С. 38—39.

²⁷ Кистяковский Б. А. Философия и социология права. СПб., 1999. С. 282.

²⁸ Левин И. Д. Указ. соч. С. 38—39.

²⁹ Тихомиров Ю. А. Правовой суверенитет: сферы и гарантии // Журнал российского права. 2013. № 3.

³⁰ Там же.

ного права. В этом контексте интерес представляет определение суверенитета как свободы, данное на высоком официальном уровне. Так, Президентом РФ В. В. Путиным в выступлении 2 октября 2015 г. на 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН был сформулирован следующий подход к пониманию дефиниции понятия «суверенитет»: «Что такое государственный суверенитет, о котором здесь уже коллеги говорили? Это прежде всего вопрос свободы, свободного выбора своей судьбы для каждого человека, для народа, для государства»³¹. Представляется, что такой подход к дефиниции приемлем, соответствует нормам международного права о признании международным сообществом суверенитета национального государства, права народов на самоопределение, индивидуальных прав и свобод.

Публичное право суверенитета имеет определенную структуру, в которой следует различать субъект-источник, субъект-носитель суверенитета, формы осуществления суверенитета, объект и суверенные права, составляющие содержание суверенитета. Суммируя имеющиеся в государствоведческой и правовой науках разных стран и времен воззрения о перечне признаков (свойств) суверенитета, можно определить суверенитет как естественное право, принадлежащее государству в целом (как сложносоставному образованию), как естественное право государственно-организованного народа, т. е. право, имеющее публичное происхождение.

Во-первых, в юриспруденции суверенитет идентифицируется со свойством статусов определенной категории субъектов конституционно-правовых и международно-правовых отношений, которые не могут быть специальными субъектами частноправовых отношений, а явля-

ются преимущественно либо исключительно субъектами публичного права. В российской науке советского периода распространенным являлась идентификация суверенитета со статусами трех категорий субъектов: деление суверенитета на народный, национальный и государственный³². Как указывалось, в научной литературе постсоветского периода все более поддерживается противоположная позиция: следует говорить о различных аспектах суверенитета государственно-организованного народа. Согласно классической европейской концепции: «Происхождение теории суверенитета надо искать в государстве, а суть народного суверенитета необходимо искать в установлении объема и границ единоличной (в историческом контексте — монархической. — Ж. О.) власти»³³.

Во-вторых, суверенитет проявляется (представляется) в различных, но взаимосвязанных формах, прежде всего представительной и непосредственной демократии.

В-третьих, суверенитет — это состояние статуса соответствующего субъекта (института) власти, характеризующееся достижением им наибольших высот — верховенства в системах экономической и политической (государственной) власти в обществе. Как отмечал еще Ж. Боден — основатель анализируемой теории, суверенитет всегда означает превосходную степень в сфере обладания властью и в способности ее осуществления. Однако не всякое достижение высот, верховенства в тех или иных системах жизнедеятельности общества (например, в экономической системе — монополизация крупной собственности, аккумуляция крупного фонда денежных средств) создает свойства суве-

³¹ Путин В. В. Выступление на 70-й сессии ООН. 2 октября 2015 г. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=7G47oJJANA8>.

³² См.: Равин С. М. Сущность советского государственного права. МГУ, 1963. С. 28; Шафир М. А. Компетенция СССР и союзной республики (конституционные вопросы). М., 1968.

³³ Еллинек Г. Указ. соч. С. 444.

ренитета, но может создать основу для оппонирования государственному суверенитету.

В классической немецкой литературе, да и многими российскими специалистами высказываются и иные мнения о соотношении верховенства и других признаков государственной власти. Так, Г. Еллинек замечал, что верховенство проявляется как приоритет государственной власти во внутренних отношениях, по сравнению с другими, входящими в состав государства лицами. Между тем, к примеру, независимость как признак государственной власти «проявляется преимущественно вовне, в сношениях суверенного государства с другими державами»³⁴.

В-четвертых, суверенитет — это определенное состояние отношений верховного господства — подчинения, это право верховной государственной власти. Суверенитет — это монополия, концентрация властного принуждения. Как писал Г. Еллинек, господствующая власть — это власть, не терпящая сопротивления. «Властвовать — значит повелевать безусловно и быть в состоянии принуждать к исполнению. От всякой власти подчиненный может уклониться, но только не от власти господствующей»³⁵.

В-пятых, суверенитет является постоянным качеством его субъекта (источника, носителя); суверенитет — это состояние, не ограниченное во времени. В свое время, раскрывая содержание этого признака применительно к абсолютным монархиям, Ж. Боден указывал, что «временный правитель — не обладатель суверенитета, а лишь хранитель власти»³⁶. Добавим, что в условиях конституционных государств суверенитет является постоянным качеством государственно-организованного народа.

В-шестых, суверенитет может быть определен как свойство, не-

отъемлемое, неотчуждаемое от источника власти, складывающееся по поводу принадлежности власти как объекта свойств и признаков суверенитета.

В-седьмых, суверенитет предполагает свободу воли и самоопределения субъекта, являющегося источником и носителем суверенитета, а также деликтоспособность субъекта — носителя суверенитета, его способность нести ответственность перед источником верховной государственной власти.

В-восьмых, в числе отличительных признаков суверенитета называется полновластие, неограниченность во власти субъекта, являющегося источником и носителем суверенитета. Суверенитет может быть определен как приоритет (монополия) во власти субъекта, являющегося, соответственно, носителем (источником) верховной власти.

В-девятых, неотъемлемым показателем суверенитета государства (государственной власти) является независимость и самостоятельность государства (государственной власти) как субъектов (форм воплощения) народного (классового) суверенитета. Как писали еще классики советского государственного права, суверенитет государства (государственной власти) проявляется в двух качествах: самостоятельности (но не независимости) внутри данной страны и независимости на международной арене³⁷.

В-десятых, в числе признаков суверенитета указывается его неделимость, единство. Однако есть и научные теории делимости суверенитета государства (государственной власти).

В-одиннадцатых, суверенитет по своему историческому происхождению «есть представление политическое, лишь впоследствии превратившееся в правовое»³⁸.

В-двенадцатых, суверенитет неразрывно связан с вопросом о соот-

³⁴ Еллинек Г. Указ. соч. С. 457.

³⁵ Там же. С. 415.

³⁶ Цит. по: Левин И. Д. Указ. соч. С. 19.

³⁷ См.: Равин С. М. Указ. соч. С. 29.

³⁸ Там же. С. 421.

ношении государства и права. Суверенитет связан не с абсолютной, неограниченной властью государства (не ограниченной и правом), а выступает как свойство правового государства³⁹. Неограниченность государственной власти надо понимать как неограниченность законодательной деятельности государства, как право государства осуществлять управление обществом через издание общеобязательных правовых актов, которые, помимо прочего, ограничивают и саму государственную власть. Г. Еллинек писал: «Суверенитет есть не безграничность, а способность юридически не связанной внешними силами государственной власти к исключительному самоопределению, а потому и самоограничению путем установления правопорядка, на основе которого деятельность государства только и приобретает подлежащий правовой квалификации характер. Суверенитет... то свойство государственной власти, в силу которого она обладает исключительной способностью к правовому самоопределению и самообязыванию»⁴⁰. Ученый отмечал также, что «суверенитет означает невозможность быть юридически ограниченным, вопреки собственной воле, какой-либо другой властью, государственного или негосударственного характера»⁴¹.

Таким образом, согласно учению Еллинека, государство суверенно, поскольку имеет неограниченную правовую власть устанавливать правопорядок в обществе и определять свою компетенцию. Причем и эта неограниченность по ряду причин условна, так как, в частности: «всякое право делается таковым только благодаря тому, что обязывает» не только общество, которому адресовано, но и саму государственную власть, формирующую позитивное право»⁴².

И. Д. Левин в середине XX в. также подчеркивал, что «суверенитет заключается не в нарушении права, а в свободном установлении своего права»⁴³.

В-тринадцатых, по своему происхождению теория суверенитета является «теорией отрицательной, целью которой служит самоутверждение государства» путем отрицания любой другой равновеликой государству социальной власти⁴⁴. Ф. Ф. Кокошкин вслед за Г. Еллинеком писал: «Понятие “суверенитет”... чисто отрицательное — суверенная власть есть независимая власть; над ней не стоит никакой другой власти»⁴⁵.

В-четырнадцатых, понятию «суверенитет» еще со времен Бодена и Гоббса и по состоянию на начало XXI в. приписывается не только отрицательное, но и так называемое положительное содержание. Под положительным содержанием суверенитета понимаются суверенные права государства либо иные представления. В частности, путем перечисления отдельных ее прав Ж. Боден определял содержание суверенной власти. К правам суверенитета ученый относил от пяти до восьми (по подсчетам разных исследователей его творчества) прав: право законодательства, право объявлять войну и заключать мир, право назначения высших должностных лиц, право верховной юрисдикции (суда в последней инстанции), право помилования, право решать вопросы жизни и смерти, право чеканить монету, устанавливать меры и веса, взимать подати (налоги), некоторые другие⁴⁶. При таком подходе понятие «суверенитет» явно принимает наступательный характер, становится активной политической идеей⁴⁷. Позд-

⁴³ Левин И. Д. Указ. соч.

⁴⁴ См.: Еллинек Г. Указ. соч. С. 449.

⁴⁵ Кокошкин Ф. Ф. Лекции по общему государственному праву. М., 2004. С. 173.

⁴⁶ См.: Лейст О. Э. Указ. соч.

⁴⁷ См. об этом: Еллинек Г. Указ. соч. С. 446—447.

³⁹ См.: Еллинек Г. Указ. соч. С. 463.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же. С. 464—465 и др.

нее попытки дать понятию суверенитета положительное содержание предпринимал и Локк в своей характеристике четырех властей, которые он различал в государстве, — законодательной, исполнительной, федеративной власти и прерогатив (власти монарха)⁴⁸. По данным исследования американского ученого В. Острома, французский мыслитель Токвиль в своей книге «Демократия в Америке» определяет суверенитет как право создавать законы. Гамильтон в очерке № 15 «Федералиста» исходит из того, что правление подразумевает законодательную власть. Мэдисон в очерке № 53 проводит различие между конституцией и законом: конституция устанавливается народом и не может быть изменена правительством, а закон устанавливается правительством и может быть правительством же изменен⁴⁹.

В российской юриспруденции высказаны разные мнения по вопросу о том, что следует вкладывать в понятие «положительное содержание суверенитета». Так, согласно одной позиции суверенные права следует идентифицировать с компетенцией органов и должностных лиц государства; «суверенные права составляют не всю компетенцию, а лишь ее ядро»⁵⁰. В соответствии с другой концепцией к суверенным правам государства в условиях его федеративного устройства следует отнести «предметы суверенного ведения» этого государства⁵¹. Некоторые авторы считают, что суверенитет государства (и государственной власти) «реализуется через осуществление функций этого государства», имеет

непосредственную связь с функциями государства⁵².

В-пятнадцатых, как отметил выдающийся немецкий исследователь Г. Еллинек: «Весь процесс исторического развития современного государства из средневекового был внутренне связан с прогрессирующим познанием суверенитета»⁵³. При этом на всем протяжении мировой исторической практики идея суверенитета остается значимой в том числе и в ее понимании, которое справедливо усмотрел в этой идее основатель учения о суверенитете Ж. Боден: она была и остается «единственным средством установления (и сохранения. — Ж. О.) единства государства, спасения его от раздирающих междоусобиц»⁵⁴. Однако если «исторически теория суверенитета склоняется к абсолютизму, к идее суверенной власти»⁵⁵, то позднее учение о суверенитете оказалось востребованным в контексте достижения целей и задач конституционных государств. Нормы о суверенитете составляют квинтэссенцию конституционного регулирования уже со времени появления первых буржуазно-демократических конституций, поскольку принятие первых в мировой практике конституций связано с целью установления народного суверенитета, народовластия, с передачей высшей (учредительной) власти народу и органам народного представительства — парламентам, осуществляющим принятие законов как нормативных актов, превосходящих по их юридической силе и опережающих

⁴⁸ См.: Еллинек Г. Указ. соч. С. 448.

⁴⁹ См.: Остром В. Смысл американского федерализма. М., 1993. С. 100.

⁵⁰ Обзор соответствующих позиций см.: Шафир М. А. Указ. соч. С. 40.

⁵¹ См.: Шафир М. А. Указ. соч. С. 41—49; Ржевский В. А. Общественно-политический строй как воплощение суверенитета советского народа. Ростов-н/Д., 1974. С. 59—62.

⁵² См.: Дорогин В. А. Суверенитет в советском государственном праве / под ред. М. Аржанова. М., 1948. С. 40, 56; Лепешкин А. И. Курс советского государственного права: в 2 т. Л., 1961. Т. 1. С. 266; Златопольский Д. Л. СССР — федеративное государство. М., 1967. С. 207 // Информация взята из работы: Шевцов В. С. Суверенитет советского государства. М., 1972. С. 41.

⁵³ Еллинек Г. Указ. соч. С. 456.

⁵⁴ Там же. С. 440—441.

⁵⁵ Там же.

по времени принятия правовые акты глав государств и исполнительной власти. В контексте истории появления суверенитета как учения и практики (как новое свойство власти, обеспечившее переход от феодальной раздробленности к централизованным государствам) суверенитет — это свойство единства власти, неразрывно связанное с его территориальной целостностью; идея единства государства как свойство его суверенитета сохраняет свое значение и в современный период.

В-шестнадцатых, цель сохранения единства государства и в новых условиях признания народного суверенитета и прекращения абсолютной (суверенной) власти монарха явилась причиной, вызвавшей к жизни конституцию как основной закон государства — юридическую форму закрепления (нормативно-правового обеспечения) единства государства в условиях провозглашения новой конструкции власти, основанной на принципах народного суверенитета и разделения властей. Цель сохранения единства государства, на наш взгляд, и в современ-

ных условиях лежит в основе формулирования в конституциях норм о суверенитете, различных его аспектов. Идея суверенитета составляет предмет исключительного конституционного (либо специальных актов, имеющих конституционно-правовую природу — деклараций, хартий) регулирования. В силу того что положения о народном суверенитете и государственном суверенитете составляют сущностные характеристики конституций как вида источника (формы) права, являются видообразующими показателями, отличающими конституцию от иных нормативных актов, соответствующие нормы в современных конституциях являются их обязательными элементами. Однако процессы глобализации делают актуальной концепцию конституционного регулирования государственных суверенитетов, которая бы обеспечила реальную независимость государства и народный суверенитет, гарантии основных субъективных прав и свобод как условия обеспечения эффективности международных интеграционных процессов.

Библиографический список

- Krabbe H. Die Lehre der Rechtssouverenitait. Beitragzur Staatslehre. Groningen, 1906.
- Гаджиев К. С. Введение в политическую науку. 2-е изд. М., 1999.
- Гаджиев К. С. Введение в политическую науку. URL: <http://scicenter.online/voprosy-politologii-obschie/suverenitet-zakon.html>.
- Гурвич Г. С. Народ, народный суверенитет и народное представительство в советской системе // Советское государство и право. 1958. № 12.
- Дорогин В. А. Суверенитет в советском государственном праве / под ред. М. Аржанова. М., 1948.
- Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб., 2004.
- Зеленков М. Ю. Политология (базовый курс). М., 2009.
- Златопольский Д. Л. СССР — федеративное государство. М., 1967.
- Кистяковский Б. А. Социальные науки и право. М., 1916.
- Кистяковский Б. А. Философия и социология права. СПб., 1999.
- Кокошкин Ф. Ф. Лекции по общему государственному праву. М., 2004.
- Конституции государств Европы: в 3 т. Т. 1 / под ред. Л. А. Окунькова. М., 2001.
- Кортунов С. Становление нового мирового порядка и проблемы международной безопасности. URL: <http://pandia.ru/text/77/435/126.php>.
- Левин И. Д. Суверенитет. 2-е изд. СПб., 2003.
- Лейст О. Э. Теория государственного суверенитета. Политическое учение Ж. Боден (§ 5 гл. 8) // История политических и правовых учений / под ред. О. Э. Лейста. М., 1999.
- Лепешкин А. И. Курс советского государственного права: в 2 т. Л., 1961. Т. 1.
- Остром В. Смысл американского федерализма. М., 1993.
- Политология / под ред. С. В. Решетникова. Минск, 2000.

Путин В. В. Выступление на 70-й сессии ООН. 2 октября 2015 г. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=7G47oJJANA8>.

Равин С. М. Сущность советского государственного права. МГУ, 1963.

Ржевский В. А. Общественно-политический строй как воплощение суверенитета советского народа. Ростов-н/Д., 1974.

Теракт 11 сентября. Кто стоит за трагедией 9/11 // 24 СМИ. Новости. URL: <http://24smi.org/news/11811-911-kto-stoit-za-teraktom-11-sentyabrya.html>.

Тихомиров Ю. А. Правовой суверенитет: сферы и гарантии // Журнал российского права. 2013. № 3.

Тэпс Д. Концептуальные основы федерализма. СПб., 2002.

Федорова М. М. Суверенитет как политико-философская категория современности // Демократия как политико-философская категория современности (многообразие исторического опыта). М., 2010.

Хрестоматия по всеобщей истории государства и права: учеб. пособие / под ред. З. М. Черниловского; сост. В. Н. Садиков. М., 1994.

Шафир М. А. Компетенция СССР и союзной республики (конституционные вопросы). М., 1968.

Шевцов В. С. Суверенитет советского государства. М., 1972.

Институционализация гражданского общества в России: историко-теоретический аспект

НИКИТИНА Елена Евгеньевна, ведущий научный сотрудник отдела конституционного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, кандидат юридических наук

117218, Россия, г. Москва, ул. Большая Черемушkinsкая, 34

E-mail: const@izak.ru

Статья посвящена проблемам, связанным с развитием гражданского общества в России. Обсуждается вопрос о его существовании в истории России, формулируется вывод о том, что существенным признаком развития гражданского общества является его институционализация. Автор полагает, что если гражданское общество изучают разные науки, то и результаты таких исследований могут иметь противоположные выводы. В статье рассматриваются определения гражданского общества, используемые в гуманитарных науках. С юридической точки зрения изучение гражданского общества — это анализ формы, системы соответствующих отношений, урегулированных нормами права. Важность формулирования определения гражданского общества правовой наукой позволяет раскрыть его юридическое содержание. Автором рассматривается понятие «гражданское общество», формулируемое в правовой литературе. Сделан вывод о широком и узком значении анализируемого термина.

Ключевые слова: гражданское общество, институты гражданского общества, определение гражданского общества, институционализация, конституционные права.

Institutionalization of Civil Society in Russia: Historical and Theoretical Aspect

E. E. NIKITINA, candidate of legal sciences

The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation
34, Bolshaya Cheremushkinskaya st., Moscow, Russia, 117218

E-mail: const@izak.ru

The article is devoted to the problems related to the development of the civil society in Russia, there is also a debate about its existence in the history of Russia. The author concluded that the essential characteristic of the development of civil society is its institutionalization. The author